

Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества: вымысел versus прагматика

© 2022, Е.Е. Дмитриева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051.

Аннотация: В 1824 г. Пушкин оказывается в ссылке в имении своей матери Михайловское, где ему предстоит оставаться до 1826 г., когда он будет освобожден взойшедшим на престол Николаем I. Почти единственными соседями, с которыми Пушкин общается в это время, становится хозяйка Тригорского Прасковья Александровна Осипова-Вульф и ее многочисленное семейство. Постепенно в сознании читателей и почитателей Пушкина формируется миф, согласно которому в деревенских главах «Евгения Онегина» поэт изобразил Тригорское, тригорские барышни и их матушка стали прототипами женских образов романа, а сын Осиповой Алексей Вульф, в ту пору дерптский студент, стал прообразом Ленского. Начало этому мифу, на самом деле игнорирующему эстетическую самоценность художественного текста, положило сочинение М.И. Семевского «Поездка в Тригорское», равно как и «Дневник» самого Алексея Вульфа. Статья посвящена рассмотрению эволюции данного мифа, который в дальнейшем из эссеистики и мемуаристики становится достоянием научных работ, а также ложится в основу концепции музейного пространства в пору создания дома-музея в Тригорском. В приложении публикуется протокол научного совещания сотрудников Пушкинского заповедника 1960 г., наглядно демонстрирующий механизм внедрения в музейную экспозицию бытующих вокруг Тригорского мифов.

Ключевые слова: Тригорское, мифотворчество, Пушкин, Семевский, Гейченко, музейная экспозиция.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Для цитирования: Дмитриева Е.Е. Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества: вымысел versus прагматика // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 211–232. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232>

В 1972 г. в Пушкинском сборнике, выпускавшемся сотрудниками кафедры русской и зарубежной литературы Псковского педагогического института, была опубликована статья Л.И. Вольперт «Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах»)» [4, с. 84–114]. Темой статьи стало игровое поведение Пушкина и его бытовое жизнетворчество в период михайловской ссылки, творческая игра по модели французской литературы, — сюжет, который чемпионке СССР 1954 г. по шахматам, гроссмейстеру Ларисе Вольперт был житейски не чужд и который исследовательски она облекла в продуктивную модель: *текст — жизнь — текст*¹. Возможность подобной игры открывал самый «театральный» и самый «игровой» роман просветительской эпохи — «Опасные связи» Шодерло де Лакло, определивший, как показывала Л.И. Вольперт, характер шутивно-серьезных отношений и переписки Пушкина с тригорскими барышнями, позже претворившимися в собственный пушкинский текст, а именно в «Роман в письмах».

Понятие игры и исследование ее роли в творческой биографии Пушкина и вместе с тем во французской литературе XVIII–XIX вв. вписало и все дальнейшие работы Л.И. Вольперт в историю исследования феноменологии игры, имевшей, как известно, столь огромное значение для европейской культуры Нового времени². Новым направлением в пушкинистике назвал подобный подход (по свидетельству самой Л.И. Вольперт) В.Н. Топоров. Ю.М. Лотман сказал, что перед читателем в результате предстал «нехрестоматийный, поразительно живой, игровой Пушкин» [3, с. 8].

Работы Вольперт стали не только новым словом в пушкинистике, но и в музееведении, во многом инициировав в частности и то, что условно можно назвать тригорским и михайловским мифотворчеством — описанием времяпрепровождения Пушкина в михайловской ссылке как строящегося по законам художественного текста. И даже независимо от того, ссылаются сейчас экскурсоводы на

---

¹ О Л.И. Вольперт, в жизни которой увлечение шахматами шло параллельно увлечению литературой, см.: [7, с. 220–236].

² Последующие работы Л.И. Вольперт, посвященные теме «Пушкин и Франция», одно перечисление которых составило бы немало страниц, естественно формировали главы монографии, материальным воплощением которой стала книга «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе: (К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XIX вв.)» (Таллин: Ээстираамат, 1980). Две последующие пушкинские монографии — «Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль» (1998) и «Пушкинская Франция» (2007, 2-е изд. — 2010) — лишь расширяли каждый раз исследовательское поле, которое вбирало в себя все новые и новые тексты и новые аспекты.

работы Вольперт или нет, рассказы о Пушкине-Вальмоне (главном герое «Опасных связей»), ведущем достаточно изощренную любовную игру с тригорскими барышнями, стали общим местом местной мифологии.

Но если вдуматься, истоки этого явления гораздо более ранние. «Дом Лариных», как традиционно в этих местах именуют тригорский дом, «скамья Онегина», «аллея Керн», «аллея Татьяны»... Часто ли мы задумываемся, откуда берут начало все данные метафорические переносы? (Помню, в какой ужас пришел один мой французский коллега, услышав о том — а в этот момент мы приближались к пресловутой скамье Онегина — что именно здесь произошло решительное объяснение Татьяны с Онегиным. Французская музейная практика таких мифотворческих вольностей не допускает). Связано ли это было с необходимостью, возникшей после 1917 г., привязать то или иное место к громкому и славному имени, обеспечив ему получение охранной грамоты, будь то реальной или символической? Так, первый директор Остафьева и последний его хозяин П.С. Шереметьев именует именно из этих соображений одну из центральных аллей парка «Русским Парнасом»: тем названием, которое ей дал, якобы, Пушкин. Сработала ли эта логика и в Тригорском, и в каком году одна из его аллей стала носить имя пушкинской героини? Об этом, насколько мне известно, документов не сохранилось.

Однако если обратиться к «классическому» тексту, который, в еще большей степени, чем работы Л.И. Вольперт, является сегодня источником экскурсий по Тригорскому и нашего знания о тригорском быте — я имею в виду знаменитую «Прогулку в Тригорское» М.И. Семевского, впервые увидевшую свет в 1866 г. (см.: [17]), — то мы увидим, что все элементы мифотворчества, как и поэзии и поэтики литературной игры, здесь уже налицо.

Приехав в Голубово, имение, в котором с 1830-х гг. проживала ставшая баронессой Вревской Евпраксия Николаевна Вульф, младшая дочь от первого брака П.А. Осиповой, Семевский отправляется в Тригорское, которое со всей подробностью позже и опишет, рассказав заодно о событиях давно минувших дней, когда одним из наиболее частых посетителей Тригорской усадьбы был А.С. Пушкин. Текст, как уже было сказано, был написан в 1866 г., события, о которых же повествуется, относились в основном к 1824–1826 гг., т. е. времени ссыльного пребывания Пушкина в Михайловском.

Обратим внимание на то, что в 1866 г. в Тригорском из всех тригорских обитателей, некогда знавших Пушкина, в живых оставалась одна Марья Ивановна, младшая дочь Осиповой, которая и становит-

ся основным респондентом и информантом Семевского. Именно с ее слов он повествует в своем тексте о Тригорском быте — и описания эти, как уже было сказано, стали одним из главных источников нашего знания о Тригорском пушкинской поры. Проблема только в том, что когда Пушкин бывал гостем этой усадьбы, было Марье Ивановне Осиповой не более 6 лет (род. в 1820 г.). А потому и рассказывать она могла, скорее всего, с чьих-то слов, что делает ее повествование во многом вторичным. В определенном смысле можно сказать, что в «Прогулке в Тригорское», скорее всего даже вне зависимости от намерения ее автора, сработал чисто литературный прием «рассказа о том, как рождаются рассказы» — тот самый прием, который Пушкин, вполне сознательно, использовал в своих «Повестях Белкина», а Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»³. А потому и не случайно, что у Семевского уже появляются если не все, то многие из мифологем, что будут тиражироваться и в хорошем, и в плохом смысле в пушкинских местах позже. И, наверное, главнейшая из них, та, что лежит подспудно в основе иных мифов, — это представление о том, что в деревенских главах «Евгения Онегина» поэт отобразил жизнь Тригорского и его обитателей.

В зале тригорского дома Семевский рассматривает картину, сюжет которой — искушение св. Антония, и тут же (со слов Марьи Ивановны) объясняет, что именно с нее был списан сон Татьяны:

...копия чуть ли не с картины Мурильо: пред святым Антонием представлен бес в различных видах и с различными соблазнами; так, между прочим, лукавый в образе красавицы (лик ее, равно как и черты прочих персонажей картины, мухи нимало не пощадили), итак, бес в образе красавицы — подносит святому чару — надо быть — зелена вина; впрочем, тут не все черти в приличном виде, некоторые бесенята изображены художником *au naturel*... Картина не бог весть какого замечательного достоинства, но — на нее смотрел Пушкин, и вспоминая ее, как сам сознавался хозяйкам (о чем одна из них мне и заявила), навел чертей в известный сон Татьяны {...Сидят чудовища кругом:

Один в рогах с собачьей мордой,
 Другой с петушьей головой,
 Здесь ведьма с козьей бородой,
 Тут остов чопорный и гордый и пр.};

³ Подобная демонстрация механизма порождения мифа восходит, конечно же, к знаменитой вальтер-скоттовской игровой манере (см.: [8]).

поэтому вы не удивитесь, если скажу, что я долго и внимательно смотрел на эту достопамятность [17, с. 11–12].

Из Тригорского — продолжает повествовать Марья Ивановна — попадают в роман «Евгений Онегин» моченые яблоки, ключница же Акулина Памфиловна, оберегающая эти яблоки от гостей, превращается в попадью в «Капитанской дочке»:

— Пушкин, — слова Марии Ивановны Осиповой, — бывало, нередко говорит нам экспромты, но так, чтоб прочесть что-нибудь длинное — это делал редко, впрочем, читал превосходно, по крайней мере, нам очень нравилось его чтение... Как вы думаете, чем мы нередко его угощали? Мочеными яблоками, да они ведь и попали в «Онегина»; жила у нас в то время ключницей Акулина Памфиловна — ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи — Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: «принеси, да принеси моченых яблок», — а та и разворчится. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полно-те, не сердитесь! завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее — чуть ли не в «Капитанской дочке» и вывел попадью; а в мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повести... Был у нас буфетчик Пимен Ильич — и тот попал в повесть... [17, с. 14–15].

Впрочем, как следует из текста Семевского, в мифотворчестве подобного рода участвовала оставшаяся в Голубово и сама Евпраксия Николаевна Вревская (пушкинская Зизи), которая времяпрепровождение Пушкина в Михайловском/Тригорском описывала следующим образом:

Бывало, едем мы все с прогулки и Пушкин, разумеется, с нами: все встречные мужички и бабы кланяются нам, на Пушкина же и внимания не обращают, так что он, бывало, не без досады и замечает, что это на меня-де никто и не взглянет? А его и действительно крестьяне не знали. Он только ночевал у себя в Михайловском, да утром, лежа в постели, писал свои произведения; затем появлялся в Тригорском и в нашем кругу проводил все время [17, с. 13–14].

Над аналогично складывающимся о нем мифе, но уже в Тверской губернии, сам Пушкин смеялся в одном из писем своей жене: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают

мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава» (письмо от 11 октября 1833 г.) [16, т. 15, с. 87].

И все же главным мифотворцем, чьи «показания» Семевский фиксирует у себя в дневнике, перенеся их потом в «Прогулку в Тригорское», был Алексей Николаевич Вульф, сопровождавший Семевского в поездке из Голубово в Тригорское, в 1860–х гг. — хозяин тверского имения Малинники, а в 1822–1826 гг. — студент Дерптского университета, на каникулы приезжавший в Тригорское, привезя туда однажды и Николая Языкова. Именно Вульфу мы обязаны ставшим «классическим» описанием Пушкина, появляющегося на святогорской ярмарке, «в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкой и в коричневой шляпе, привезенной им еще из Одессы». «Весь новоржевский *beau monde*, съезжавшийся на эту ярмарку (она бывает весной) закупать чай, сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован...», — завершал он свой рассказ [17, с. 13].

Именно Вульф становится инициатором легенды, рождение которой, надо отдать справедливость, было отчасти спровоцировано и Пушкиным, о его якобы бытовом подражании поведенческому комплексу Байрона. Представление, с которым в свое время полемизировал и всячески старался его преодолеть В.М. Жирмунский в своей монографии «Байрон и Пушкин» [9].

— Вы, вероятно, знаете, — сказал мне Алексей Николаевич, вспоминая о стрельбе своей в цель с Пушкиным, — Байрон так метко стрелял, что на расстоянии 25-ти шагов утыкивал всю розу пулями. Пушкин, по крайней мере в те годы, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона. Пушкин, например, говаривал, что он ужасно сожалеет, что не одарен физической силой, чтоб делать, например, такие подвиги, как английский поэт, который, как известно, переплывал Геллеспонт... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мной сажал пули в звезду. Между прочим надо и то сказать, что Пушкин готовился одно время стреляться с известным, так называемым *американцем* Толстым... [17, с. 15].

Присущее А.Н. Вульфу желание объединить воедино жизнь и поэзию, увидев (а точнее, вспомнив), что когда-то окружали его прообразы пушкинских сюжетов и образов, в особенности дало себя

знать в его дневнике, который между тем М.А. Цявловский назвал «ценнейшим материалом для характеристики нравов среднего дворянства 20–30-х гг. [2, с. 72–86; 20]. Именно там он окончательно закрепил за своими сестрами статус прототипов пушкинских Ольги и Татьяны, за Тригорским — статус прообраза усадьбы Лариных, а за собой — прообраз Ленского, который, как и он сам был студентом немецкого университета.

С большим удовольствием перечел я сегодня 8-ю и вместе последнюю главу «Онегина», одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично — источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, «в губернии Псковской». Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них. Многие из мыслей, прежде чем я прочел в «Онегине», были часто в беседах глаз на глаз с Пушкиным, в Михайловском, пересуждаемы между нами, а после я встречал их, как старых знакомых... (запись от 15 июня 1833) [17, с. 249].

Вообще говоря, многие из данных «применений» были отчасти подсказаны и самим Пушкиным, чей Онегин, «певцу Гюльнары подражая» переплывает речку, иронично именуемую Геллеспонтом («сей Геллеспонт переплывал»). А цимлянское, сервируемое в узких рюмках, вызывает в памяти образ Зизи — Евпраксии Николаевны («Цимлянское несут уже; / За ним строй рюмок узких, длинных, / Подобно талии твоей, / Зизи, кристалл души моей, / Предмет стихов моих невинных, / Любви приманчивый фиал, / Ты, от кого я пьян бывал!» [16, т. 6, с. 111–112]. И тогда впору задаться вопросом: а может все те свидетельства, что мы находим в описаниях Семевского, и те, что содержатся в дневнике Вульфа, мы все же можем (и даже должны) считать достоверными? Или все-таки нет?

У Ю.М. Лотмана есть статья «К проблеме работы с недостоверными источниками», в которой он, как всегда блестяще, на основе анализа «недостоверных» воспоминаний о Пушкине Надежды Михайловны Еропкиной, записанных ее внуком А.С. Сомовым, продемонстрировал: анализ заведомо

недостоверного источника позволяет нам «не только вычленив в нем некую вероятную первооснову», но и вскрыть интересные факты, касающиеся литературных впечатлений поэта, с одной стороны, и черт его бытового поведения — с другой» [13, с. 328].

Думается, что в значительной степени это положение может быть отнесено и к тригорскому быту, запечатленному в источниках, может быть, и не совсем достоверных, ибо слишком субъективных, игнорирующих художественную природу поэтического текста, но все же хранящих некую память именно бытового поведения участников тех событий. А ведь, если вдуматься, тому, что обитательницы и гости Тригорского обладали навыками литературной игры, которая и есть благодатная почва для рождения мифа, есть и документальные доказательства. Помимо шутивно зашифрованной переписки Пушкина с Анной Николаевной Вульф и Анной Петровной Керн 1825 г. (Пушкин в это время остается в Михайловском, а обитательницы Тригорского гостят в Риге; переписка эта и легла в основу концепции Л.И. Вольперт), мы имеем следующие свидетельства. Оказывается, и сама хозяйка Тригорского П.А. Осипова-Вульф, которую Пушкин называл «милая старушка», как обнаружилось много лет спустя, не чужда была любовной игре. И страницы экземпляра книги «Воспоминаний» Фридриха фон Маттисона с их «подчеркиваниями и отметками», как выясняется, были использованы не только для просвещения ума, но и для «немного разговора с таинственным незнакомцем», которым был граф Карл Вери де ла Бозиа. По-видимому, предмет тайной страсти Осиповой, которая превратила «умную» книгу в способ тайной переписки [11, с. 59–66].

Тайну не дошедшего до нас письма Пушкина к Зизи (Евпраксии Николаевне) унесет в могилу ее внучка Прасковья Петровна Зубова, показавшая уже на исходе века ученикам церковно-приходской школы во Вреве письмо Пушкина к своей бабушке, заинтриговав их, но так и не прочитав [14, с. 127–128].

***

Альбом одной из барышень Тригорского, Анны Николаевны Вульф, имел в качестве эпиграфа слова «Tout est mélangé dans ce monde»⁴ [12, с. 3–12]. И слова эти как нельзя лучше применимы к Тригорскому, его обитателям, но также и к памяти, которую хранит это урочище.

---

⁴ Все перепутано в этом мире (*фр.*).

После ухода С.С. Гейченко, который после войны был назначен директором Пушкинского государственного заповедника и который в течение почти полувека поднимал из руин входившие в него имения (Михайловское, Тригорское, позже — Петровское), который одним своим присутствием оживлял и одухотворял эти места⁵, в музейном мире началась (или она имела место всегда?) полемика об уместности мифотворчества в музейной экспозиции. Речь шла о необходимости перехода к научно верифицируемому созданию музейного пространства.

По правде говоря, сомнения появились еще и во времена Гейченко. Тартуские молодые интеллектуалы, бывшие, как и Вульф, студентами Дерптского⁶ университета, потешались в 1970-е гг. над цепью, висевшей на дубе близ дома Гейченко («Златая цепь на дубе том») и однажды ночью, сорвав ее с ветвей, схоронили на дне Сороти. Упразднены были после смерти Гейченко и мерцавшие в траве в разных местах мраморные таблички с высеченными на них строками из пушкинских стихов, подсказывавшие слишком уж прямые параллели между пейзажами Михайловского и Тригорского и поэзией Пушкина, заставляя уверовать, что написанное Пушкиным написано именно здесь и описывает именно то, что видит посетитель... (недавно, по счастью, они были восстановлены — ибо стало понятно, что это та самая мнемотехника, которая применялась в садах еще с эпохи Возрождения).

Конечно же, С.С. Гейченко был не только талантливым музейщиком, но и талантливым мифологом и мистификатором, что, во всяком случае, в его времена, означало почти одно и то же. Понимая, что для музея, чтобы он не превратился в хранилище ненужных вещей, потребна мифология («новая мифология»), он мифологизировал пространство заповедника. Отдельная вещь — суть ошибка и обман. Есть только единый поток творимой жизни. Мне неизвестно, вспоминал ли при этом Гейченко о том, что в литературе уже был однажды описан бунт вещей, в музей помещенных и вырванных из своих обычных связей⁷ (что, собственно, и составляет суть магического идеализма, превращающего мысли в вещи, а вещи в мысли). Но то,

⁵ Неоднократно повторявшимся вопросом наивных, но крайне заинтересованных туристов во времена Гейченко было: «Скажите, а стихотворение “Домовому” Пушкина посвящено С.С. Гейченко?» Вода в студенческие годы экскурсии по Михайловскому, я сама однажды отвечала на данный вопрос.

⁶ Немецкое название Дерпт (Дорпат) сохранялось до 1893 г., когда городу был возвращено первоначальное название Юрьев, а в 1924 г. он вновь был переименован, получив эстонское наименование Тарту.

⁷ Имеется в виду незаконченный роман Новалиса «Ученики в Саисе».

что он это в любом случае чувствовал и осознавал — несомненно. Как писал один из первых (если не первый) летописец самого С.С. Гейченко, «ученый со своим вечным “почему” с первых его дней здесь неразрывно соседствовал в нем с хранителем и художником, спрашивающим при этом еще и “как”, чтобы наука оборачивалась поэзией, без чего здесь все будет неправдой. <...> для остальных музеев, может, это и не годится. Но здесь, при редком согласии хозяина и домового, выходило как-то так, что все приживалось и ты поневоле думал: ну да, при Пушкине не было, потому что он был тогда молод и этого было не надо, а вот теперь, когда он совсем в Михайловское вернулся, очень даже надо. В том-то и дело, что директору нужна была не консервация, не восковая фигура невозвратного Михайловского, а живая усадьба с дрящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью, чтобы вороны, как два века назад, кланялись востоку с криком “аллах”, ласточки щебетали “мир вам”, аисты пели на заре жалостливое и приятное, кот Васька ходил по усадьбе в специально сшитых на цепкие лапы сапогах, чтобы не хватал птиц, <...> соседние усадьбы сверкали окнами и хрустели крахмалом скатертей на случай пушкинского порыва приехать» [10, с. 26–28].

С этим были связаны и знаменитые устные квазимпровизации Гейченко о кукующей кукушке, которая не просто кукушка, «но пра–пра–правнучка той кукушки, которую слышал Пушкин». И превращение местных петухов в «египетских» хутопов (перевертыш-палиндром), хутопа первого, второго и далее. И порой почти наивное воскрешение той самой мифологии, которую мы уже встречали у Вульфа и Семевского, в знаменитом гейченковском «У Лукоморья», когда уже даже не Вульф, и не Марья Ивановна, но сам Пушкин, читая у роля главы Онегина в Тригорском, признается:

— Дорогие, не только в четвертой, но и в этой новой главе «Онегина» я изобразил свою жизнь в деревне — у себя, здесь, у вас. И кое-кому сейчас услышится то, что у меня на душе, узнает кое-что из вас, мой идеал...

<...> Он читал долго и вдохновенно. Его целовали, им любовались. И было все торжественно, как в старинном храме в Светлое Воскресение [6, с. 250–251].

А между тем, С.С. Гейченко был отнюдь не наивен. Близкому другу он как-то сказал:

— Я не люблю разоблачений в поэзии. Ленский — это Туманский и т. д. Ну и что тебе с этого?.. Образ должен оставаться образом.

Тем более неизвестно, кто теперь реальнее для читателя — Ленский или Туманский... [10, с. 119].

*Группа ветеранов, освобождавших Пушкинские горы в 1944 г.
В центре – директор заповедника С.С. Гейченко. Фото 1978 г.
A group of veterans-liberators of Pushkinskie Gory. S.S. Geychenko,
director of the museum, is in the centre of the photo (1978)*

В 1918 г. дом в Тригорском был сожжен⁸. В акте о состоянии села Тригорское, составленном 28 (15) апреля 1918 г., было отмечено: остальные постройки сохранились от пожара, но превращены в хаотическое состояние. В парке также полнейший беспорядок. Разграбление и систематическое хищение со времени поджога. Несожженные постройки проданы гражданам.

⁸ Очевидец событий описывала: «Утром донеслись откуда-то слухи: летел аэроплан и сбросил “приказ” — в три дня чтобы сжечь все село. — Ночью выходили смотреть зарево. Вторую ночь видим зарево влево от Тригорского. Вчера и третьего дня сожгли три усадьбы: Васильевское, Батово, Вече. Сегодня жгут, вероятно, Лысую Гору» (Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском (РО ИРЛИ. 14487/L XXXIV/ б 7)). Дочь последнего хозяина имения Тригорское М. Пальмова, который арендовал его у С.Б. Вревской, вспоминала: «Об этих ужасах не стоит говорить. Наше концертное пианино кто-то увез и поставил на открытом воздухе. Библиотека пошла на поджигание дома. Парк рубили... все пришло в разрушение» [15, с. 37].

Официальной датой создания Пушкинского заповедника стало 17 марта 1922 г. Совнарком принял постановление, подготовленное Луначарским, о создании государственного заповедника «Пушкинский уголок», в составе усадеб Михайловское и Тригорское. Но уже в 1930–1933 гг. заповедник с музеем Пушкина с сельхоз угодьями передается Музею социалистического строительства и реконструкции сельского хозяйства. И если в Михайловском была устроена показательная ферма (кооператив «Красный партизан»), а домик няни превращен в пчельник, то в Тригорском на несколько лет расположился совхоз (см.: [19; 18; 1, с. 15–36]). А потом была война.

После освобождения Пушкинских гор к 1949 г. расчистили аллеи и пруды, провели лечение пострадавших во время войны деревьев. Однако восстановление усадебного дома, за которое ратовали многие деятели культуры, стало возможным лишь к 1962 г.

Музей в Тригорском создавался практически с нуля. И совершенно непонятным было его наполнение, поскольку подлинных вещей почти не оставалось, а те вещи, которые когда-то были в Тригорском, были еще до войны перенесены в Михайловское и во время войны утрачены. И потому еще до открытия дома начинается обсуждение его возможной экспозиции. «Если в Михайловском страдали от недостатка экспозиционной площади, то теперь, в новом доме Тригорского мы получаем ее в избытке. Перед нами возникает даже своеобразная трудность — недостаток материала», — скажет С.С. Гейченко в Отчете об открытии Дома-музея Осиповых-Вульф в Тригорском.

О том, как эта трудность решалась и была решена, свидетельствуют сохранившиеся протоколы Совещаний научно-музейной части Пушкинского заповедника, один из которых мы приводим ниже. И, поразительным образом, именно они дают понимание, как С.С. Гейченко на практике решал обозначенную выше дилемму: потребность необходимости мифологизации музейного пространства и свою собственную нелюбовь к «разоблачениям в поэзии».

Приношу благодарность хранителю усадьбы Тригорского Р.В. Бурченковой за возможность познакомиться с данными протоколами, которые для нас имеют безусловную историческую, эпистемологическую и просто человеческую ценность⁹.

---

⁹ Синтаксис и правописание оригинала сохранены.

Приложение

Протокол Совещания научно-музейной части Пушкинского заповедника от 31 марта 1960 г.

Присутствовали: С.С. Гейченко — директор Пушкинского заповедника.

Д.Ш. Сот — зам. директора

В.С. Бозырев — научный сотрудник

А.Ф. Теплов — научный сотрудник

Т.Ю. Мальцева — зав. библиотекой

В.Я. Шпинев — начальник охраны

М.Л. Овчинникова — временный экскурсовод

Повестка дня

1. Сообщение Д.Ш. Сот. Пушкинский «Талисман».

2. Сообщение Д.Ш. Сот. Комментарий к стихотворению Пушкина «Послание Дельвигу».

Слушали: Сообщение Д.Ш. Сот. Пушкинский «Талисман» (сообщение прилагается).

Выступления

В.С. Бозырев. Конечно, нужно иметь слепок «Талисмана» в экспозиции, это будет интересно. Но мне кажется, что Д.Ш. Сот увлечена своей темой и как тогда бывает, у нее получается, что талисман — центр всей лирики Пушкина. Не будет слишком большое внимание сконцентрировано на нем в ущерб политической и общественной лирике? Я боюсь крайности, вызванной слишком большой влюбленности Д.Ш. Сот в эту тему.

Д.Ш. Сот. Политическая лирика — одно, «Талисман» — другое. Ведь интимная лирика должна быть представлена в экспозиции. (86)
<...>

С.С. Гейченко. Д.Ш. Сот уже пять лет тому назад подала заявку на эту тему. Но от заявки до осуществления ее очень далеко. Это так же далеко, как от заявки писателя на книгу в издательство до появления книги. Мы тоже пишем книгу, но книгу вещественную. Экспозиция — это книга, написанная вещами. Теперь пора переходить от заявки к ее осуществлению, думать о том, как ввести эти материалы в экспозицию. Этот вопрос очень сложный. Ведь Талисман — такая

вещь, которую никто не бросает, не держит на виду. Л.С. Пушкин даже не доверял его М. Калашникову, чтобы доставить Пушкину. Следовательно, нужно очень тонко подойти к тому, куда и как его поместить в экспозиции. На письмо Тургенева его не повесишь, на стол в кабинете его положить нельзя.

Не следует обвинять работников Всесоюзного музея Пушкина в профанации экспозиции на том основании, что они еще не видели места, чтобы достойно показать слепок с талисмана. Это очень сложно. М.М. Калаушин¹⁰ — опытный музейный работник и он наверно много думает над этим, но решения еще не нашел. Придет время и решение будет найдено. Надо иметь в виду, что ведь это — не подлинная вещь, а слепок, из обыкновенного современного медицинского гипса, и это сразу бросается в глаза. Еще раз повторяю, что сейчас надо искать решение, куда поместить слепок.

Д.Ш. Сот. Может быть, поместить его в витрину, а на столе в кабинете положить письмо Пушкина с оттиском «Талисмана».

Т.Ю. Мальцева. Посетителям трудно будет увидеть этот оттиск, ведь стол стоит далеко от посетителя.

С.С. Гейченко. Так как о «Талисмане» в этом случае будем говорить дважды, посетители обратят внимание на оттиск. Я считаю, что это хорошее решение.

ПОСТАНОВИЛИ

1. Одобрить сообщение Д.Ш. Сот.
2. Внедрить в экспозицию Дома-музея А.С. Пушкина слепок с Пушкинского «Талисмана» и автограф письма И.С. Тургенева о нем.
3. Поручить Д.Ш. Сот получить указанную вещь или опись с нее и разработать конкретную схему внедрения ее в экспозиции.
4. Слушали: Сообщение Д.Ш. Сот «Комментарий к стихотворению А.С. Пушкина «Послание Дельвигу» (сообщение прилагается).

Выступления:

С.С. Гейченко. Меня смущает то, то в Риге не было университета, а гробница Дельвига находится в Риге. Дело же происходит в Дерпте. Может быть, послание Пушкина — просто шутка и никакого черепа не было? Ведь везти череп из Михайловского для Пушкина в его положении было очень сложно.

---

¹⁰ Друг Гейченко, член закупочной комиссии.

Д.Ш. Сот. Но А. Дельвиг в своих воспоминаниях говорит о том, что череп действительно был.

С.С. Гейченко. Вульф держал в нем табак. Это значит, что это был не целый череп, а часть черепа, специально отделанная под табакерку. Из целого череп доставать табак неудобно. Я сам видел такие вещи. Они в свое время были модными. Должен сказать, что этот комментарий к стихотворению перестает быть комментарием. Д.Ш. Сот отвлекается слишком в сторону и говорит много о вещах, не имеющих прямого отношения к данной теме. Выступать с таким сообщением перед музейными работниками Всесоюзного музея Пушкина не имеет смысл.

Д.Ш. Сот. Я буду выступать с этим сообщением на заседании Пушкинского сектора ИРЛИ.

С.С. Гейченко. Тогда другое дело. Для сектора ИРЛИ это интересно как комментарий к стихотворению, для ВМП — нужны комментарии, касающиеся только вещи. Необходимо сократить и убрать из него все, что прямо не относится к стихотворению Пушкина. Иначе это не комментарий.

В.С. Бозырев. У Д.Ш. Сот получилось логично и интересно, но доклад по объему и содержанию выходит за рамки комментария к стихотворению.

Т.Ю. Мальцева. В экспозицию Тригорского было бы интересно поместить часть черепа, отделанную под табакерку, но если поместить череп человека, это бы вызвало нежелательную реакцию среди посетителей.

Д.Ш. Сот. Я считаю череп-табакерку Пушкина в экспозиции Тригорского, ибо эта вещь отмечена стихотворением Пушкина, интересной, но —

Т.Ю. Мальцева. Интересна часть черепа, а не весь череп.

М.Л. Овчинникова. Если поместить череп целиком, посетителям будут говорить: «Что ты видел в Тригорском? — череп». Это отвлекает их от всего остального.

С.С. Гейченко. Конечно, надо поместить не череп, а часть черепа как бытовую вещь — табакерку.

А.С. Теплов. Сообщение Д.Ш. Сот интересно, но — это не комментарий, оно выходит за рамки комментария. Советую вам посмотреть интересную статью об этом стихотворении Виноградова.

Д.Ш. Сот. В этой статье говорится совсем о другом. Вопросы, которые ставлю я, никто еще не затрагивал.

С.С. Гейченко. Д.Ш. Сот ушла далеко от прямого комментирования вещи. Вы углубляетесь в вопросы народного образования,

в вопросы состояния науки в ту эпоху. Это стихотворение вам право на это не дает.

А.Ф. Теплов. Оно не дает также право утверждать, что Пушкин в своей записке о народном воспитании обвинил правительство в том, что оно явилось причиной восстания декабристов, т. к. не проявило заботы о народном образовании.

Д.Ш. Сот. Нельзя не заметить, что ссылаясь на недостаточную просвещенность участников восстания как причину их выступления и предлагая правительству улучшить образование, Пушкин выразил косвенный упрек императору Александру в том, что правительство своевременно не обратило должного внимания на постановку дела народного образования в России. И этим не предотвратило восстания. Но он дает замечательную картину жизни и быта студенчества, характеризующую в определенной степени состояние образования. Он бьет беспощадно, говорит о том, что волновало тогда всех передовых людей. В частности, он бьет по самому больному месту Вульфа и Языкова. Я утверждаю, что у меня написан именно комментарий, помогающий понять суть стихотворения.

Постановили:

1. Одобрить работу Д.Ш. Сот.
2. Внедрить в будущую экспозицию дома Осиповых-Вульф в Тригорском череп-табакерку.
3. Поручить Д.Ш. Сот разыскать и приобрести указанную вещь и разработать конкретную схему внедрения ее в экспозицию.

Председатель: Гейченко

Секретарь: Т.Ю. Мальцева¹¹.

***

Обратим внимание на то, что вещи-экспонаты, которые сотрудники так хотели внедрить в экспозицию Тригорского дома, прямого отношения к годам Михайловской ссылки не имели. В одном случае это был перстень, заставляющий вспомнить предполагаемую любовную историю Пушкина одесского периода. В другом случае (череп, якобы подаренный Дельвигом) реконструировался эпизод 1827 г., т. е. тоже не михайловского периода. Но то и другое могло стать в доме зрелищем и сотворить еще один необходимый миф.

---

¹¹ Л. 86, 88–91.

*Хендрик Адриссен. Натюрморт с черепом. XVII век, холст, масло
Hendrick Andriessen. Vanitas still life with a skull (17th century, canvas, oil)*

Как же выходит из положения Гейченко? Найдем ли мы след описанной выше дискуссии в экспозиции дома?

На самом деле, след есть. Но именно след, а не прямой сколок: слепка утраченного перстня, подаренного Пушкину Е.К. Воронцовой, или непонятно чьего черепа (вариант — пепельницы в виде черепа), как предлагали сотрудники в 1960-е гг., в результате в экспозиции нет. Зато в комнате Вульфа мы находим: «Натюрморт с черепом» Хендрика Адриссена (XVII в., холст, масло). А в зале — лубочную картинку 1836 г. «Талисман».

*Талисман. Лубочная картинка. 1836 г.
A Talisman (1836, cheap popular print)*

Музейное пространство мыслится как суггестивное. Миф присутствует, но... в заретушированном виде. Имеющий уши да услышит. Имеющий глаза да увидит...

Литература

1. Бурченкова Р.В. Из истории Пушкинского заповедника // Михайловская пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 15–36.
2. Бурченкова Р.В. Комментарии к фрагментам личного дела Алексея Вульфа дерптского студента 1822–1825 гг. // Михайловская пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 72–86.
3. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М.: Языки рус. культуры, 1998. 327 с.

4. *Вольперт Л.И.* Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков: [Б. и.], 1972. С. 84–114.
5. *Вульф А.Н.* Дневники: 1827–1842 // Любовный быт Пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 79–265.
6. *Гейченко С.С.* Однажды в замке Тригорского // У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. М.: Книжный клуб Книговек, 2020. С. 250–251.
7. *Дмитриева Е.Е.* Апология живости. Памяти Ларисы Ильиничны Вольперт // Временник Пушкинской комиссии. Сб. науч. тр. СПб.: Восток, 2019. Вып. 33. С. 220–236.
8. *Долинин А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 315 с.
9. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
10. *Курбатов В.* Домовой. М.: Изд. Группа 1900, 2021. 160 с.
11. *Левкова Л.В.* Автограф и пометы П.А. Осиповой на книге из ее библиотеки // Михайловская пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 59–66.
12. *Лобанова Э.Ф.* Альбомы обитателей Тригорского в контексте бытовой культуры XIX века // Михайловская Пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 3–12.
13. *Лотман Ю.М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 324–329.
14. *Лукина Н.В.* Семья Евфимии Борисовны Вревской (в замужестве Зубовой) во второй половине XIX – начале XX веков // Михайловская Пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 127–128.
15. *Никифоров В.Г.* О последнем владельце Тригорского // Михайловская пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 89–104.
16. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. 1837–1937: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
17. *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 5–78.
18. *Сергеева-Кляцис А.* Повседневная жизнь Пушкиногорья. М.: Молодая гвардия, 2018. 334 с.
19. *Тимошенко Д.* «...От судеб защиты нет». Михайловское в 1934–1941 гг. Псков: [Б. и.], 2013. 392 с.
20. *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. 875 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Pushkin's Trigor'skoye as a Source of Myth-making: Fiction Versus Pragmatics

© 2022. Ekaterina E. Dmitrieva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00051).

Abstract: In 1824 Pushkin was exiled to his mother's estate Mikhailovskoye, where he was to stay until 1826. Then he was set free by the enthroned Tsar Nicholas I. Praskovia Alexandrovna Osipova-Vulf, the mistress of Trigor'skoye, and her numerous family were Pushkin's only neighbours during his exile period. A myth was gradually forming in the minds of Pushkin's readers and admirers. According to this myth Pushkin depicted Trigor'skoye in the village chapters of "Eugene Onegin," Trigor'skoye ladies and their mother became the prototype of the novel's female characters, and Osipova's son Alexey Wulf, then a student in Dorpat, became the prototype of Lensky. This myth, which in fact ignores the aesthetic self-value of a literary text, was started by M.I. Semevsky's essay "A Trip to Trigor'skoye," as well as by Alexey Wulf's own "Diary." The paper deals with this myth evolution, considering how it subsequently rises from the realm of essays and memoirs to become a part of scholarly works and forms the concept basis of the museum space after the house-museum in Trigor'skoye was founded. The appendix contains the minutes of a scientific meeting of the Pushkin's Reserve's staff in 1960, which reveals the mechanism of Trigor'skoye mythologemes' introduction into the museums space.

Keywords: Trigor'skoe, myth-making, Pushkin, Semevsky, Geichenko, museum exposition.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

For citation: Dmitrieva, E.E. "Pushkin's Trigor'skoye as a Source of Myth-making: Fiction Versus Pragmatics." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 211–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232>

References

1. Burchenkova, R.V. “Iz istorii Pushkinskogo zapovednika” [“From the History of the Pushkin Reserve”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhaylovskoye]*, issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 15–36. (In Russ.)
2. Burchenkova, R.V. “Kommentarii k fragmentam lichnogo dela Alekseia Vul’fa, derpetskogo studenta 1822–1825 gg.” [“Comments on Fragments of the Private Affair of Alexei Wulff, a Dorpat Student of 1822–1825”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhaylovskoye]*, issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 72–86. (In Russ.)
3. Vol’pert, L.I. *Pushkin v roli Pushkina. Tvorcheskaia igra po modeliam frantsuzskoi literatury. Pushkin i Stendal’ [Pushkin in the Role of Pushkin. A Creative Play Based on Models of French Literature. Pushkin and Stendhal]*. Moscow, Iazyki russkoi kultury Publ., 1998. 327 p. (In Russ.)
4. Vol’pert L.I. “Pushkin i Shoderlo de Laklo (Na puti k ‘Romanu v pis’makh’.”) [“Pushkin and Choderlo de Laclou (On the Way to the ‘Novel in Letters’)”]. *Pushkinskii sbornik [Pushkin Collection]*. Pskov, [S. n.], 1972, pp. 84–114. (In Russ.)
5. Vul’f, A.N. “Dnevniki: 1827–1842” [“Diaries: 1827–1842”]. *Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi [Love Life of the Pushkin Era]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1999, pp. 79–265. (In Russ.)
6. Geichenko, S.S. “Odnazhdy v zamke Trigorskogo” [“Once in the Castle of Trigorsky”]. *U Lukomor’ia. Rasskazy khranitelia Pushkinskogo zapovednika [Near Lukomorye. Stories of a Custodian of the Pushkin Reserve]*. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2020, pp. 250–251. (In Russ.)
7. Dmitrieva, E.E. “Apologiia zhivosti. Pamiati Larisy Il’ichiny Vol’pert” [“An Apology for Liveliness. In Memory of Larisa Ilyinichna Volpert”]. *Vremennik Pushkiskoi komissii. Sbornik nauchnykh trudov [Chronicle of the Pushkin Commission. Collection of Academic Articles]*, issue 33. St. Petersburg, Vostok Publ., 2019, pp. 220–236. (In Russ.)
8. Dolinin, A. *Istoriia odetaia v roman: Val’ter Skott i ego chitateli [A History Dressed in a Novel: Walter Scott and His Readers]*. Moscow, Kniga Publ., 1988. 315 p. (In Russ.)
9. Zhirmunskii, V.M. *Bairon i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literature]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 423 p. (In Russ.)
10. Kurbatov, V. *Domovoi [Brownie]*. Moscow, Gruppa 1900 Publ., 2021. 160 p. (In Russ.)
11. Levkova, L.V. “Avtograf i pomety P.A Osipovoi na knige iz ee biblioteki” [Autograph and Notes of P.A. Osipova in a Book from her Library”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhaylovskoye]*, issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 59–66. (In Russ.)
12. Lobanova, Ie.F. “Al’bomy obitatelei Trigorskogo v kontekste bytovoii kul’tury XIX veka” [“Albums of the Inhabitants of Trigorsky and the Everyday Culture in the 19th Century”]. *Mikhailovskaia Pushkiniana [Pushkiniana in Mikhaylovskoye]*, issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 3–12. (In Russ.)
13. Lotman, Iu.M. “K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami” [“Working with Unreliable Sources”]. Lotman, Iu.M. *Pushkin: Biografiia pisatel’ia; Stat’i i zametki,*

1960—1990; “Evgenii Onegin”: *Komentarii* [Pushkin: *Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, pp. 324–329. (In Russ.)

14. Lukina, N.V. “Sem’ia Evfimii Borisovny Vrevskoi (v zamuzhестве Zubovoi) vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov” [“The Family of Euphemia Borisovna Vrevskaya (married Zubova) in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries”]. *Mikhailovskaia Pushkiniana* [Pushkiniana in Mikhaylovskoye], issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 125–132. (In Russ.)

15. Nikiforov, V.G. “O poslednem vladel’tse Trigorского” [“About the Last Owner of Trigor’sky”]. *Mikhailovskaia pushkiniana* [Pushkiniana in Mikhaylovskoye], issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 89–104. (In Russ.)

16. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii. 1837—1937: v 16 t.* [Complete Works. 1837–1937: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR, 1937–1959. (In Russ.)

17. Semevskii, M.I. “Progulka v Trigor’skoe” [“A Walk to Trigor’skoye”]. *Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi* [Love Life of the Pushkin Era]. Moscow, Sovremennik Publ., 1999, pp. 5–78. (In Russ.)

18. Sergeeva-Kliatis, A. *Povsednevnaia zhizn’ Pushkinogor’ia.* [Everyday Life of Pushkinogorye]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018. 334 p. (In Russ.)

19. Timoshenko, D. “...Ot sudeb zashchity net.” *Mikhailovskoe v 1934–1941 gg.* [“...There is no Protection from the Fates.” *Mikhailovskoye in 1934–1941*]. Pskov, [S. n.], 2013. 392 p. (In Russ.)

20. Tsiavlovskii, M.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina* [Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin], issue 1. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 875 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.07.2022
Одобрена после рецензирования: 02.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 09.07.2022
Approved after reviewing: 02.08.2022
Date of publication: 25.09.2022